

...БЫЛА уже ночь. Ветер с моря крутил занавеску на моем окне. Где-то далеко кричала ночная птица, но, может быть, это мне только казалось, потому, что в эту октябрьскую ночь я мог услышать и топот коня и выстрел во мраке... Я читал роман Дмитрия Гулиа «Камачич», и автор уводил меня из тихой комнаты в гостинице в горы, меня обступали тяжелодумные люди с первобытными чувствами, женщины с горячими глазами и грустной улыбкой, всплывали какие-то видения старины, заклинания звучали в ушах, как будто говорившая их стояла за моей спиной. Передо мной была даже не книга, а грубый, шершавый подстрочник, сквозь который я пробирался, как сквозь колючий кустарник, я чувствовал, что этот кустарник колет меня, рвет на мне рубашку.

Да, это была история абхазской женщины, которой суждено пройти тяжелый, мученический путь. Мне казалось, что автор гипнотизирует меня, передавая мне свои ощущения, он так зримо ведет меня сквозь боль и мрак прошлой жизни абхазского народа, что я уже никогда не забуду того, что узнал долгой осенней ночью.

Я дочитал рукопись. Мне будет трудно уснуть. Вокруг меня начал бродить старый демон гор, который приносит бессонницу и грусть. Я выхожу на балкон.

Я уже слышу крики ночной птицы. Все тихо. Пароход у мола с освещенными окнами. Внизу, под моим балконом, открытая дверь. Там бильярдная. Азартные игроки все не могут оставить игру. Слышно, как стучат шары. Прошел, напевая, какой-то веселый человек. Блестя черным боком, прошелестела машина.

Свет из моей комнаты падает на лакированную листву, на которой блестя буквы, похожие на абхаз-

скую азбуку. И снова я вижу черные волны, над которыми завивается белыми жгутами пена, и мальчика, бредущего по воде к берегу. Проходят годы, и вырастет другой маль-

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ событие стало выход в издательстве «Алашара» в 1983 году книги «Абхазия в русской литературе». Этот сборник — разумеется, лишь часть того, о чем успели и еще не успели написать искренние друзья Алсны, ее людей, ее культуры. Предлагаем вниманию читателей отрывок из воспоминаний Николая Тихонова о встречах с Дмитрием Гулиа.

Два дня продолжается смотр спортивных колхозных сил. Джигитовка сменяется буйным карьером, рубкой лозы и глины, простые скачки — барьерными. Среди старинных конных игр мне особенно понравилась «чаган-бурти», нечто вроде конного поло.

После праздника я прихожу к Дмитрию Иосифовичу. Наша новая беседа начинается с темы спорта. Я рассказываю ему о виденных мной скачках и играх, и он явно доволен моим рассказом. Я говорю:

— Это хорошо, что еще не разучились скакать на лошадях, но для абхазских

человек, которого зовут Володя, он уходит в темноту военной ночи, но не вернется из нее, не увидит расцвета и родного берега. Черные волны покроют его с головой.

Может быть, и в доме на старой сухумской улице светится окно, и седой поэт думает о будущем, о душе своего народа, о его непростой судьбе. И еще он думает сквозь наплывы усталости, что будет вечер.

Конный праздник на берегу моря. Лиловые, как облака, горы вдалеке, изумрудное поле состязаний, красные изогнутые конструкции железнодорожного моста, встающие из-за толпы всадников в синем и черном. Мы отвыкли уже видеть столько скачущих красивых коней сразу, столько разлетающихся грив, столько всадников, наслаждающихся быстрым движением, своим удалством, криками восхищенных зрителей.

У вас колхозы — это маленькие вселенные. Они начинаются от горных вершин и кончаются у моря. Все климаты, все пейзажи, все возможности спорта. От альпинизма, до водных лыж. Ведь в колхозах ваша молодежь может круглый год заниматься любыми видами спорта. Коньки и лыжи, легкая атлетика, борьба, конный спорт, футбол (в колхозе в Гали хотят строить свой стадион), гребля, плавание, яхты; каноэ на горных речках...

Поэт выслушал меня внимательно, и моя речь в пользу колхозного спорта произвела на него впечатление. Он говорит:

— Это все так. Все можно сделать для того, чтобы юноши и девушки росли крепкими и сильными. Но увы! Все меньше всадников, все больше машин. Возьмите наши древние легенды — сколько бога-

тырей, какая сила и храбрость! Даже античные писатели, которые видели Эльбрус с моря от Сухуми, признали, что Прометей был прикован к вершине на Кавказе. Прометей — ведь это наш Абрскид, свой человек, абхазец. Но теперь другие времена. Молодых людей влечет техника, они хотят летать, и летать высоко. Это их право. Их отцы слишком долго ходили по земле. Дети хотят испытать свои крылья.

Он говорит дальше без всякого перехода:

— О сегодняшнем Кавказе еще мало написано. Старые писатели и поэты писали больше. Как Шевченко писал о Кавказе, какой великий поэт! А вы знаете, я был на могиле Шевченко в Каневе, поговорил с ним сердцем, как с богатырем поэзии народной. Какой голос, какая мощь в «Завещании» в строке: «Кайданы повивтели». И разорвали кайданы, но много еще других цепей надо порвать, кото-

у молодежи могут красть другие нечестные силы. Против них надо бороться, особенно за душу молодежи. Абхазский народ — древней культуры. Еще летописец Нестор говорил об «абезах», абхазцах, приходивших в Киев участвовать в построении церкви святой Софии при князе Владимире. Абхазский народ, среди которого я вырос, благороден сердцем, мужествен, прост в выражении сильных чувств и отвечает добром на добро, он не утратил своих прошлых доблестей. О его новых делах должны рассказать и расскажут писатели, поэты, драматурги, их уже много в Абхазии, они набирают силы. Я сделал, что мог...

Он посмотрел в окно на горы, по которым ползли низкие облака.

— Когда-то я был один, как это странно! Такая судьба! Иногда судьба мне кажется медведем.

— Медведем? — спросил я. — Почему медведем?

— А вот послушайте. Один старый охотник сел в засаду ночью на медведя на той тропе, по которой тот приходил ломать кукурузу. Охотник положил ружье себе на колени, да и задремал. Вдруг спросонья чувствует он, что кто-то его взял, поднял и понес. Смотрит, а это медведь подкрался незлышно, облапил да и куда-то несет. Охотник не дышит, не шевелится. Было это недалеко от моря. А там была большая песчаная яма, и в эту яму медведь и бросил охотника. Но тот упал на выступ и лежит, голоса не подает. Медведь сломал его ружье и бросил в яму. Оно шлепнулось в воду на дне ямы. Медведь прислушался. Охотник прижался к стенке и молчит, как мертвый. Надоело медведю кидать, решил, что кончил врага, и пошел в лес ко-солалый. А охотник, как рассвело, вылез и, к своему удивлению, увидел, что жив и здоров, и даже может радоваться солнцу, что над морем встает... Вот мне кажется, что судьба не раз бросала меня, как тот медведь охотника, в яму, но, пошвыряв в меня всем, чем попало, удалялась, а я благословлял жизнь и приветствовал светило нового дня!..

В апреле 1949 года на правительственной даче около Сухуми был торжественный ужин в честь семидесятилетия Дмитрия Иосифовича Гулиа.

Было шумно, радостно, светло. Вдруг вследствие какой-то неожиданной аварии погас свет. В наступившем внезапно мраке гости затихли, и тогда кто-то начал громко читать стихи. Стихи прекрасно звучали в тишине, и читавший закончил их, когда снова вспыхнул свет и дружеский вечер опять стал шумным и широким.

Тогда присутствовавший на вечере Виссарион Саянов сказал мне: «Смотри, это символично. Стихи Дмитрия Гулиа звучали в темноте ночи царизма окутавшей всю Российскую империю, и продолжают звучать сегодня — при ярком свете социалистического дня! Я сейчас скажу про это и провозглашу тост!».

И он сказал хорошо тост и от всех нас обнял нашего старого друга.

Н. ТИХОНОВ

БЕСЕДЫ В СТРАНЕ ДУШИ

рые внутренне держат человека, сковывают его чувства, ограничивают его возможности. Человека надо освободить от пут прошлого, от суверения, от эгоизма, от вековых дурных навыков, от многого. Это не так просто...

— Дмитрий Иосифович, я читал «Камачич» и «Призраки». Я считаю их сильнейшими произведениями, которые еще не оценены как следует. Это очень важные книги, особенно для молодых поколений, не знающих прошлого. Скажите, вы это лучше меня знаете, крепки еще старые обычаи, живы еще суверии?

— Не могу отрицать, есть, — говорит он, — да вы, наверно, сами наблюдали кое-где в Абхазии, особенно в глухих местах.

— В Ажарах, знаете, был свидетелем такого случая. Ночью мы были разбужены стрельбой. Что такое? Нападение, месь? Что же выяснилось утром: один молодой человек по уговору с девушкой приехал ночью, взял ее на седло и давай мотать по лесу. В ее семье все прекрасно знали, что она ведет с ним, что нет надобности изображать похищение с погоней, которой не было. Зачем он гонялся по лесу — непонятно. Ободрал девушку о деревья, перепарал. Мало того, ее брат каждую ночь приезжает к дому, где живут молодые, и стреляет им в спину. Выстрелит несколько раз — и тоже спокойно едет во-свойся...

— Это из области комического. — говорит Дмитрий Гулиа серьезно, — но, к сожалению, еще живы факты драматического порядка. И дурное обращение с женщиной, и кровничество, и неправильное отношение к жизни еще встречаются у нас, да и не только у нас. У нас раньше колдуньи крали душу, но теперь колдуньи отодвинуты в сторону, но душу

Соб. Архивы Сухуми. 1984, 28 июня